

На седьмой день произошло то, чего Бай Лао даже не мог ожидать. Он получил подарок. Не что-то материальное, чему суждено со временем обратиться в прах, но эмоции, искрящиеся ярче драгоценных камней, нетленное тепло, навсегда поселившееся в сердце. Тот день навсегда останется в его памяти, как один из самых счастливых.

Небо отливало рыжим, как сухая потёртая мандариновая кожура — недавно недалеко от столицы прошла песчаная буря, и это был один из тех немногих дней, когда солнце, скрытое за вуалью ржавых облаков, не палило, выжигая всё вокруг. Пели цикады, вторя шелесту цветущих кустов в гаремном саду. Чуньшен как раз показывала Бай Лао самые простые мелодии, перебирая изящными пальцами струны циня, когда на пороге, почтительно поклонившись, показался лысоватый евнух. Он оправил пухлыми ладонями складки на своих светлых одеждах и мягко заговорил:

— Госпожа, не позволите ли вы, забрать вашего маленького слугу? Не более, чем на несколько часов.

Чуньшен напряглась. Струна под её пальцами издала неприятный грубый звук.

— Кто приказал?

Не то, чтобы у Чуньшен было право оспаривать приказы. Она была всего лишь наложницей, пусть и высокого титула. Вопрос был задан скорее по инерции, как если бы она стремилась оградить собственное дитя от чего-то плохого.

— Второй молодой господин.

Плечи Чуньшен заметно расслабились, ладонь легла на струны, окончательно успокаивая их напряжённую вибрацию. Лёгкая улыбка тронула её губы — Фэн Ся вырос на её глазах, ему можно было доверять.

— Конечно, — сказала она, мягко кивнув Бай Лао в сторону выхода, — и передай второму молодому господину, я рада, что он в добром здравии.

Евнух снова поклонился и, дождавшись пока ребёнок окажется по его правую руку, медленной поступью поплыл по узким садовым тропам.

Бай Лао пребывал в смятении. Фэн Ся более не нуждался в помощи лекарей, а значит и в его присутствии. Взволнованно теребя пальцами край рубахи, он старался не отставать, мелко переставляя ноги. Евнух молчал, уверенно шагая впереди и сложив руки за спиной. Бай Лао упёрся взглядом в точку между его лопатками — эти люди вызывали странные чувства — безмолвные наблюдатели, следящие за всем, что происходило в гареме. Они будто были одновременно везде и нигде, скрываясь в тенях и танцующих на ветру шелках.

Доведя Бай Лао до выхода, евнух едва склонил голову, прощаясь. Чуньшен ведь просила передать её слова, подумал Бай Лао и уже хотел было его окликнуть, но осёкся, не зная, будет ли это уместным.

На входе в гарем раскидисто цвели сливы, источая чарующий сладкий аромат. Бледно-розовый цветок, покрытый тонким слоем золотистых песчинок, сорвался с изящной ветки и, проскользив по воздуху, плавно опустился на плечо прислонившегося к стволу Фэн Ся. Игривые тени, танцевавшие на лёгких одеждах цвета топлёного молока, и поволока не до конца осевшего песчаного тумана делали силуэт немного размытым, до странного эфемерным. Тёмная медь волос, привычно собранных в высокий хвост, лоснилась охристыми оттенками. Цветок упал с его плеча, одиноко замерев на земле, когда он, заметив Бай Лао, медленно подошёл. На нём не было нагрудных пластин и шаги оказались непривычно тихими.

Бай Лао сложил руки в почтительном жесте и поклонился, замерев на мгновение, когда Фэн Ся сделал тоже самое. Никто и никогда ему не кланялся. Это ощущалось странно, даже сюрреалистично.

— Зачем сяньшен хотел меня видеть?

Фэн Ся улыбчиво склонил голову набок. Без боевого облачения он выглядел совсем юным. Как молодой побег бамбука — гибкий, но негибаемый.

— Мне не хотелось оставлять тебя без подарка, а-Лао.

Бай Лао застенчиво пожевал губу. Никто не дарил ему подарков, а значит и принимать их он не умел. Нужно ли, как подобает, отказаться три раза?[1] Или так положено только между друзьями? Или хотя бы равными по статусу людьми?

— Сяньшен, — нерешительно пробормотал он, — это не...

Фэн Ся вдруг вздохнул, будто бы устало.

— Знаю. Ты сказал, я подарил тебе жизнь. Но так ли она хороша? Ты не пленник, не слуга и не наложник, но заперт здесь с моей подачи. Если твоя жизнь — мой тебе подарок, позволь хотя бы сделать его хорошим.

У Бай Лао защипало глаза. Кем он был таким, чтобы позволять что бы то ни было сыну самого князя? И тем не менее, его об этом просили. Задержав дыхание, словно ныряя в ледяную воду, он кивнул.

Фэн Ся небрежно потрепал его по макушке.

— Вот и славно. Идём.

Оказавшись во дворце, Бай Лао с тех пор ни разу не покидал его территории. Он видел столицу почти украдкой, в зыбкий рассветный час, тресаясь от страха, вжимаясь спиной в грудь статно восседающего в седле генерала. И если даже тогда он смог оценить её великолепие, его эмоции сейчас не вызывали сомнений.

Цзиньлу был большим и шумным городом и, хотя недавняя песчаная буря укрыла горящие на солнце крыши домов желтоватой вуалью, это лишь придавало сказочной таинственности, нисколько не умаляя красоты. Уличные торговцы, вооружившись метлами, сметали песок с прилавков, беззлобно бранясь на бегающих детей, заново взметавших пыль с удвоенной силой. Кто-то лил на улицу воду, чтобы песчаный туман побыстрее осел; кто-то, должно быть, торговцы тканями, трясли тяжёлую парчу, стремясь вернуть ей былую яркость; кто-то шумно смеялся; кто-то возвращал на уже чистые прилавки овощи и фрукты.

Всё вызывало в Бай Лао восторг, всё было интересно. В его родной деревне, окутанной тёмной демонической энергией время словно стояло на месте, в гареме, среди теней и шелков, оно текло плавно и медленно, здесь же оно бежало, крутилось и вихрилось. На короткий миг он даже забыл о Фэн Ся, восторженно рассматривая драгоценные камни и резные украшения, вдыхая ароматы пряных специй и спелых фруктов, вслушиваясь в какофонию людских голосов.

Настойчивый аромат горячей карамели привёл его к лавке торговца сладостями, вокруг которой теснилась толпа радостных детей. Торговец, жилистый пожилой мужчина с седой бородой, готовил удивительные леденцы — на тонких бамбуковых палочках, словно живые, танцевали рогатые драконы с извивающимися хвостами; парили фениксы, гордо расправив крылья; махали вуалевыми плавниками глазастые рыбы. Янтарная карамель просвечивала на солнце, завораживая и приковывая взгляд.

— Хочешь? — Спросил Фэн Ся, останавливаясь совсем рядом.

Детский восторг к этому моменту полностью вытеснил всякую неловкость и Бай Лао уже хотел согласиться, проводив взглядом взмывающую с бамбуковой палочки острокрылую ласточку, как, вдруг, заметил кое-что. На прилавке было много сладостей, но внимание Бай Лао привлекла лишь одна. Засахаренная вишня. На фоне всего остального она выглядела довольно скромно, даже неприметно. Но именно такую Чуньшен принесла Фэн Ся, когда он, прячась в тени, шкодливо за ними следил. Тогда его страх перед Фэн Ся был ещё осязаем. Тогда же он впервые увидел, как мягко этот пугающий человек может улыбаться. Причудливые звери на палочках вмиг потеряли всякую ценность.

— Это, — сказал Бай Лао, указывая на блестящие бордово-алые ягоды.

Фэн Ся не смог скрыть улыбки.

И величественный дворец, что был совсем рядом, казался таким далёким, когда расположившись прямо на чьём-то пороге, сын демонической лисицы и сын правителя этих

земель делили такое простое лакомство. И никому до них не было дела.

— Я совсем забыл, сянъшен, — сказал Бай Лао, отправляя в рот очередную ягоду и облизывая липкие пальцы, — Чуньшен-ньюши просила передать, что рада вашему доброму здравью. Но внух, которого она просила, почему-то этого не сделал.

Фэн Ся фыркнул.

— Ничего удивительного. Наложницам запрещено общаться с мужчинами, кроме Его Высочества. И передавать послания.

Бай Лао украдкой коснулся собственной серёжки. Вишня вдруг стала нестерпимо кислой.

Жест не укрылся от внимательного взгляда Фэн Ся.

— Не переживай об этом. Передай Чуньшен, что я загляну через пару дней. Смотри, — вдруг, сказал он, указывая на другой конец улицы, — кажется, дети собираются запустить воздушного змея. Не хочешь с ними?

Бай Лао хотел. Дети в деревне не принимали его в свою компанию, но здесь и сейчас у него был настоящий шанс почувствовать себя обычным ребёнком. Всего один день, звучало в его голове. Он поспешно закивал и подскочил с пыльной ступеньки, уже собираясь сорваться на бег, когда Фэн Ся окликнул его.

— А-Лао, — он протянул ладонь, на ней ещё остались красные следы ожогов, — дети не обратят внимания, но их родители могут. — Бай Лао немного запоздало понял, о чём он говорил, снова касаясь серёжки. — Я сохраню её для тебя.

В тот миг, когда он, смеясь с другими детьми, побежал по улице и был слышен лишь топот ног без тонкого золотого перезвона, счастливее него не было никого на свете.

Когда красочная бумажная птица с разноцветными лентами на крыльях и хвосте взмыла в рыжеватое небо, он был свободен. На короткое мгновение в голове промелькнула мысль — он мог бы сбежать. Возможно, прибиться к чьему-нибудь двору служкой или в какую-нибудь лавку попроситься подмастерьем за еду и кров. Фэн Ся бы не остановил. Бай Лао обернулся в его сторону — делёкий силуэт на пыльной ступеньке. Какой-то мальчик вручил ему змея, нити послушно следовали за его руками. Бай Лао поднял глаза — бумажная птица дрожала на ветру, но продолжала парить.

И птица та была Фениксом.

В гарем возвращались медленно. Пара часов растянулись на целый день. Медленно вечерело и песни цикад сменились на звонкую сверчковую трель. Язык ещё помнил кисло-сладкий вкус засахаренной вишни, а сердце грелось звонким счастливым смехом.

— Тот змей, каким он был? — Спросил Фэн Ся, медленно вышагивая рядом. Его обувь запылилась, но никого это совсем не волновало.

— Феникс. Большой и такой красивый, — Бай Лао даже не пытался скрыть свой восторг.

— Конечно, — улыбнулся Фэн Ся, но улыбка отчего-то казалась горькой, — ты знаешь историю Фэн Хуана, а-Лао?

Бай Лао не знал. Лис в его деревне мало интересовали старые сказки и потому рассказать ему было некому. Он отрицательно покачал головой.

До гарема ещё было далеко.

— Тогда я расскажу тебе.

На Юге никогда не было правителя, все южане — потомки кочевников, племена которых беспорядочно были разбросаны по всей пустыне. Многие племена воевали, в основном, за хорошие земли с питьевой водой и тенью. И не было никого, способного их примирить и объединить. Но у них было божество — величественный огненный Феникс. Они верили, что однажды он одарит своим благословением человека и тогда непременно воцарится мир.

Раз в триста лет^[2] все племена складывали оружие и объединялись, чтобы провести «Ритуал огня». Старейшины выбирали юношу, которого считали наиболее достойным и приводили на собрание, на котором из них снова выбирали одного. И однажды, как гласят полуистлевшие свитки, этой чести удостоился простой мальчишка. Совсем юный, едва переступивший порог зрелости. Он не был ни выдающимся воином, не состоял в родстве с вождём своего племени, но старейшины были непреклонны. И это не был Фэн Хуан. То был его брат-близнец.

В старых свитках не сохранилось его имени. «Ритуал огня» был страшным и до того дня, конечно, ни разу себя не оправдал. Кочевники верили, что получить благословение Феникса можно только в огне. Более того, человек сам должен ступить в огонь по доброй воле. Конечно, брат Фэн Хуана был в ужасе. Он едва вступил во взрослую жизнь и не хотел умирать по указке фанатичных старейшин.

Фэн Хуан, тайком пробравшийся на совет, не мог допустить смерти родного брата. И пока готовили костёр, оглушил его и спрятал, решив занять его место.

Обман вскрылся слишком поздно. Когда брат очнулся и в слезах прибежал к месту проведения ритуала, Фэн Хуана уже поглотило пламя. Брат был в отчаянии, старейшины в ярости, но

изменить уже ничего было нельзя. Однако, когда огонь отступил и пепел осел, Фэн Хуан остался невредим. Пламя даже не тронуло его одежд, не опалило волос.

Ритуал сработал и все племена склонились перед ним. Так началось его правление. Люди поклонялись ему, следовали за ним, возносили молитвы. Один лишь родной брат, во имя которого была его жертва, оказался подлецом. Посчитав, что Фэн Хуан обманул его, занял его место, он поднял восстание и в итоге был убит своими же соплеменниками.

Фэн Хуаном овладело горе и только ответственность перед народом не позволила ему опустить руки. Он пресёк все распри и мир, действительно, воцарился на Юге на многие годы. Вера людей и божественное благословение позволили ему стать великим заклинателем. Даже предательство брата не смогло изменить его чистого сердца. Он возвысился как герой и он пал как герой.

Фэн Ся остановился. Впереди уже виднелись раскидистые сливы, обозначая границу гарема.

Бай Лао затаил дыхание. История, несомненно, была красивой, но тревога вдруг всколыхнулась в замершем сердце. Воображение рисовало страшные картины. Может ли история быть цикличной? Могут ли они двигаться по кругу, которому суждено замкнуться? Бай Лао не хотел знать ответ. Как не хотел и сдерживать слёзы, вдруг брызнувшие из глаз — такие горячие и тяжёлые. Поддавшись эмоциям, он порывисто обнял Фэн Ся, утыкаясь ему в живот, цепляясь за одежду на спине.

Фэн Ся опешил. Объятие было таким резким, что ему даже пришлось отступить один шаг назад, чтобы сохранить равновесие.

— Что это с тобой, а-Лао? — Удивлённо спросил он, подняв руки, не зная, опустить ли их на дрожащие плечи или зарыться пальцами в волосы. Никто не учил его утешать детей.

Бай Лао зачем-то отрицательно покачал головой.

— Хуа... — всхлипнул он, — Хуа-сяньшен, обещаай...

Что именно он должен был пообещать, Фэн Ся так и не услышал. Но едва ли ему это требовалось.

Тонкая вуаль прошедшей песчаной бури почти рассеялась. Первые звёзды серебряными всполохами мерцали на тёмном небосводе.

Постояв ещё мгновение, Фэн Ся опустил одну ладонь на острое детское плечо, а второй зарылся в волосы.

Комментарии и примечания:

[1] по китайской традиции (этикету) прежде, чем принять подарок, от него следует трижды отказаться

[2] 300 лет — примерный интервал частоты полного солнечного затмения

<http://bllate.org/book/14934/1323643>